

Хомякова земной мир был соотнесен с дисгармоничным огнем, как и в элегии Шевырева, то в финале достигается единство небесного и земного миров благодаря световой символике, подчеркивающей богоприсутствие в природе, эсхатологический покой Царствия Божиего, соотнесенного с Востоком. Покой выступает логическим завершением личностного становления-восхождения и земной истории. Если в начале своего поэтического пути Хомяков поэтизирует бой, то в финале — эсхатологический покой, разрешение конфликтной истории в Царствии Небесном.

Итак, духовные оды Хомякова и близкие к ним стихотворения (литературные молитвы, исповеди и проповеди), с одной стороны, обращают к многовековым традициям святоотеческой книжности, текстам Священного Писания, с другой стороны, раскрывают определяющие тенденции развития русской поэзии, связанные с индивидуализацией лирической ситуации, формированием лирического героя и преодолением жесткой системы жанров. Жанровая традиция оды помогала поэту в рамках высокого стилистического контекста выразить библейский лиризм предстания человека Творцу и раскрыть свою мировоззренческую позицию.

Примечания

1. *Тынянов Ю. Н.* Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 230.
2. *Александрова И. Б.* Поэзия М. В. Ломоносова: ренессанс, барокко или классицизм? // Филолог. науки. 2003. № 5. С. 17.
3. *Лебедева О. Б.* История русской литературы XVIII века. М., 2000. С. 304.
4. *Дунаев М. М.* Вера в горниле сомнений: Православие и русская литература в XVII–XX веках. М., 2002. С. 185.
5. *Хомяков А. С.* Стихотворения и драмы. Л., 1969. С. 141.
6. Там же. С. 142.
7. Там же. С. 142.
8. Православный богослужебный сборник. М., 2000. С. 44.
9. *Аверинцев С. С.* Атасфер // Мифы народов мира: В 2 т. М., 1991. Т. 1. С. 34.
10. *Аксаков И.* Стихотворения и поэмы. Л., 1960. С. 112.
11. *Чаадаев П. Я.* Избранные сочинения и письма. М., 1991. С. 130.

© Вострилов И. Н.
г. Череповец

ФЕНОМЕН ЖАНРА ВОЕННОЙ МЕМУАРИСТИКИ В ТВОРЧЕСТВЕ А. В. ВЕРЕЩАГИНА

Мемуаристика — жанр с очень давней историей. Первые близкие к мемуарам сочинения появились еще в античные времена, но рождение мемуаров в современном значении этого слова происходит в эпоху Возрождения, когда начал пробуждаться интерес к отдельной человеческой личности, когда человек все больше выделялся из родовой, сословной, религиозной общины. В России оформление мемуарной литературы в самостоятельный жанр приходится на XVII в.

Мемуарная проза традиционно считается одним из наиболее сложных видов литературы. А. Ахматова называла мемуары «непроявленным жанром». Н. Шайтанов, развивая это определение, писал о них как о жанре «ускользающем», «не имеющем твердых границ и правил, где не ясно, что перевесит: литературное мастерство, грозящее обернуться беллетристическим приемом поднатороленного мемуариста, или же литературная неискусшенность неподвзятго свидетеля». В. Г. Белинский находил в мемуарах «соединение искусства с жизнью» при посредничестве «истории». Критик утверждал, что мемуары — это равноправный литературный жанр, что «степень достоинства произведения» зависит прежде всего «от степени таланта писателя» [1, с. 159–267]. Талант же мемуариста проявляется в том, ограничивается он только отбором материала, строгой его фиксацией либо производит работу по творческому его осмыслению.

Мы полагаем, что В. Белинский, заметивший, что мемуары писателей обладают теми же качествами, что прочие литературные произведения, и подчеркнувший роль отбора фактов с доминантой художественного начала в мемуарных повествованиях, по сути, говорил о мемуарной прозе, применяя к мемуарам критерии художественной литературы: организацию фактов в соответствии с авторским замыслом, увлекательность изображения, художественное обобщение (типизацию). Характерно, что в качестве основного материала для своих рассуждений о мемуарах критик выбирал мемуары писателей.

В. Белинский предложил и первую типизацию мемуарных повествований как «пограничного» жанра литературы, разделив ее на группы по трем признакам: 1) ведущая роль фактов, 2) ведущая роль образов и 3) подмена действительной картины прошлого желаемой. Третий пункт этой типизации стал особенно важен для мемуарной прозы писателей XX в.

Однако поскольку в XIX в. разделения понятий «мемуары» и «мемуарная проза» не произошло, в отношении этого рода повествований восторжествовал исторический подход, и мемуарная проза очень мало рецензировалась и оценивалась как факт литературы. Тем не менее эпоха реформ стала временем массовой публикации мемуаров не только в журналах специального направления — «Русский архив», «Русская старина», «Исторический вестник», — но и в литературно-художественных журналах.

Интересно типологическое деление мемуаров в словарной статье о них, появившейся в конце века в энциклопедии Ф. Брокгауза и И. Ефрона: 1) мирные, 2) военные, 3) дворцовые, 4) бытовые, 5) писательские. Писательские мемуары противопоставлены двум дихотомиям в том, что не выделена их типологическая противоположность; следовательно, можно считать верной дихотомию 1) мирные — военные, дворцовые — бытовые 2) писательские. Подтверждающая особенность этой разновидности мемуаров, которую нам представляется уместным считать каноном мемуарной прозы, достигла своего расцвета в XX в. — и здесь снова разошлась с мемуарами.

Значимой вехой для мемуаров XIX в. становится 1878 г.: множатся воспоминания о погибших и умерших людях и о разрушенном укладе жизни. У мемуаристов русского зарубежья временной рубеж с этим разрушенным

укладом осложняется пространственно-политическим. Любопытно, что наблюдение исследователей за мотивами мемуаротворчества XVIII в.: «вид массы новшеств, вошедших в жизнь, наталкивал на сравнение старого и нового, при сравнении же являлось желание записать, сохранить для самого себя и близких лиц то, что было прежде и что все более и более изменялось», применимо и к мемуарам XIX в. Кроме того, с рубежа XIX–XX вв. значимые вехи в истории стали «частить» — сказался феномен, который историки назвали «сокращением исторического процесса» [2, с. 34–45].

Повествование в мемуарных произведениях в большей степени, чем в собственно литературных жанрах, обусловлено личностью автора. В переводе с французского «*mémoires*» дословно означает «воспоминание», поэтому уже простое решение человека о чем-то вспомнить предполагает избирательность, определенную тематическую направленность его рассказа. Определение объекта воспоминаний, отбор жизненного материала — это наиболее субъективный момент любых мемуаров.

«Видовым» признаком мемуаров является также ретроспективность, т. е. наличие определенной временной дистанции между совершением события и моментом создания мемуаров. Мемуарист всегда обращен в прошлое, хотя временная дистанция в его произведениях может колебаться от нескольких часов (письмо, дневник) до нескольких десятилетий (записки, воспоминания). Ретроспективность создает основу для более зрелого осмысления событий. Как правило, чем дальше в прошлое отстоит время в мемуарах, тем большую значимость приобретают для читателя излагаемые в них исторические факты.

В мемуаристике достаточно распространено и такое явление, как переработка старых воспоминаний, переосмысление минувшего с позиций настоящего времени. «Проходят годы, и возникает внутренняя потребность не просто рассказать о виденном и пережитом, но и осмыслить его. Осмыслить глубоко, масштабно, не с узкой собственной точки, а с общечеловеческих позиций». Такой подход к прошлому требует уже в какой-то степени художественных способностей, так как к осмыслению автор идет через обобщение с помощью определенных художественных средств конкретных, единичных фактов. В подобных случаях налицо процессы синтеза документального и художественного начал.

Специфический признак мемуаров — память, являющаяся их основным источником, своеобразным средством воссоздания действительности.

Итак, субъективность, ретроспективность отображения действительности, память автора — основные «видовые» признаки мемуаристики, сочетание которых служит основанием для выделения ее среди других художественно-документальных жанров.

Мемуары позволяют, с одной стороны, более широко, многопланово взглянуть на события, о которых повествуется в произведении, а с другой стороны, посмотреть на них как бы изнутри, глазами непосредственного очевидца. Мемуары являются своеобразной формой передачи личного опыта автора, его наблюдений, переживаний. Они позволяют восстановить колорит эпохи,

раскрыть мысли и чувства людей своего времени, т. е. в них получает отражение то, что не может быть зафиксировано ни одним документом.

В идеальном варианте мемуары должны быть достоверны. Однако достоверность в мемуарной прозе не тождественна фактографичности, она не означает буквального восстановления прошлого, всех событий, обстоятельств, диалогов. Да это и невозможно, если сразу какой-то факт не был зафиксирован. Как спустя годы писатель-документалист может дословно воспроизвести, например, какой-либо разговор? Естественно, он передаст только общий смысл, а сами реплики «домыслит». И так во всем.

Следовательно, достоверность в мемуарной прозе — это максимально точная передача центрального, основного смысла события, его внутренних побудительных мотивов. Она предполагает обобщение, допускает избирательный подход к событиям и фактам, т. е. она шире фактографичности. Степень фактической достоверности, в том числе и документированности повествования, будет неодинакова для различных типов мемуарных произведений.

Кроме того, хотя мемуары связаны с породившей их исторической реальностью намного теснее, чем любое художественное произведение, в них очень часто под влиянием общественно-политических и личных целей авторов происходит трансформация исторической правды, хотя основное требование к этому литературному жанру — фактическая достоверность. В зависимости от обстоятельств мемуарист может выделить или «забыть» какой-то эпизод, дать ему свою интерпретацию. Так же субъективен он и в оценке деятельности людей, о которых повествует. Случается, что мемуарное произведение не столько правдиво раскрывает историческое прошлое, сколько служит субъективному замыслу автора.

Общие особенности мемуарной прозы характерны и для такой ее жанровой разновидности, как военная мемуаристика.

Центральная проблема всей военной литературы — «человек и война». События, о которых повествуется в воспоминаниях, очень часто перекрещиваются между собой, на их страницах встречаются одни и те же герои. Общие события, жизненные явления каждый из мемуаристов воспринимает и описывает в соответствии со своей мерой участия в них, своим складом характера, индивидуальностью. Такое сплетение судеб, скрещивание жизненных путей придает особый колорит.

Все без исключения произведения основаны на фактах личных биографий мемуаристов, но отличительной чертой многих из них является стремление автора использовать исходный жизненный материал для широких идейно-художественных обобщений, а свою собственную судьбу осмыслить как часть судьбы народной.

В зависимости от конкретных целевых установок в ряде произведений происходит значительное расширение традиционных рамок мемуарного жанра. Как правило, и мемуарная, и художественная литература военных и первых послевоенных лет не раскрывала истоки, побудительные мотивы того или иного поведения человека. Перед читателем был уже готовый

характер. В отдельных же произведениях военной мемуаристики мы видим иной подход.

В этом отношении можно отметить воспоминания Верещагина, которые выделяются среди других книг прежде всего развернутым изображением человеческих характеров, многие из которых даны в процессе их становления, нравственного развития. Автор пытается показать уже причины поступков, поведения людей. Наряду с «чисто положительными» героями в книге присутствуют и персонажи, воспринимаемые неоднозначно, внутренне противоречивые, что звучит диссонансно.

В большом потоке военных мемуаров выделяются произведения, в основе которых прослеживается установка мемуариста на разработку определенной проблемы, когда он не только описывает конкретные события, хотя элемент описательности, констатации доминирует, но суммирует их, производит анализ, говорит о личном участии и своем отношении к происходящему. Вторым отличием их можно назвать деятельность автора в качестве руководителя, командующего. Обязательным моментом является также аргументация повествования документальными материалами.

Мемуарное начало главенствует в данном типе воспоминаний. Автор повествует не столько о себе и своих переживаниях, сколько о событиях и людях, его окружающих. В этих произведениях доминирует свидетельство: свидетельствует автор – участник событий, свидетельствует документ, есть обязательное указание на источник информации, если она получена косвенно. Этот ряд произведений в силу отмеченных особенностей мы именуем далее мемуарами-свидетельствами. В мемуарах-свидетельствах автор получает большую свободу творчества.

Среди документальных свидетельств военных (Д. Скобелев, А. Драгомиров) наиболее излюбленной формой изложения воспоминаний является та, где автор не претендует, как правило, на обобщение. Привлекает она большей по сравнению с другими формами — за исключением очерка — доступностью, свободой, простотой; в качественном отношении отличается хронологически последовательным изложением событий, разнообразием освещаемых проблем, так или иначе связанных с судьбой мемуариста. Подобные произведения мы назовем мемуарами-автобиографиями, хотя наличие в целом ряде свидетельств значительной мемуарной доминанты делает их в чем-то схожими с мемуарами-свидетельствами.

Автобиографическое начало всегда связано с воспроизведением судьбы самого автора, причем автор зачастую рассказывает не обо всей своей жизни, а только о том ее отрезке, который является в его представлении самым значительным на момент создания мемуаров.

У военных-мемуаристов такой важной частью жизни было их военное прошлое. Как правило, автобиографические воспоминания и начинаются с сообщения о том, где их авторы узнали о начале войны. Но подход к изображению военного прошлого у мемуаристов может быть различным. Либо автор повествует в большей степени о себе, о своих личных чувствах и переживаниях, о собственном восприятии окружающей его действительно-

сти, либо он большую часть своего произведения посвящает рассказу о людях, с которыми ему довелось встречаться, о событиях, в которых он принимал участие. Таким образом, автобиографическое начало может быть широким, общезначимым.

Следующим важным жанром военной мемуаристики является очерк. Очерк — наиболее распространенная форма изложения воспоминаний в военной мемуаристике, что является вполне естественным, ибо малая форма дает возможность каждому (лично или «в записи») запечатлеть свой опыт участия в войне.

Любое конкретное событие, любой единичный факт, так или иначе связанный с военным движением, может стать материалом очерка. Это самая камерная, локальная форма воспоминаний. Автор рассказывает только о том, в чем сам принимал участие, и только в той степени, в какой это было известно ему самому.

Мемуарный очерк является наиболее субъективной формой изложения событий прошлого, где особенно велик удельный вес личного начала. Ведь зачастую сам выбор того или иного факта носит случайный характер, а описание не касается его существенных сторон. Мемуарист может в очерке рассказать о чем-то малозначительном, но запомнившемся именно ему. С другой стороны, очерк, как правило, пишется для периодической печати, поэтому автор очень часто ориентируется и на общественно значимые события или проблемы действительности.

Особое место в очерке отводится образу автора, который выступает в роли действующего лица, являясь нередко своеобразным сюжетообразующим центром. Свое отношение к излагаемому он, как правило, дает напрямую: через публицистические отступления, авторский комментарий, оценку героев, событий. Так, например, А. В. Верещагин дает оценку генералу М. Д. Скобелеву и А. Н. Куропаткину в книге «Новые рассказы. 1855–1895 гг.»: *«...князя Черкасского в это время с нами уже не было. Он уехал обратно восвояси. Смотрю на генерала, а тот, озабоченный, нервно дергает поводья своей серой лошади, дабы усилить шаг. Только изредка Михаил Дмитриевич перекидывается вполголоса с Куропаткиным несколькими словами. Алексей Николаевич, тоже озабоченный, усиленно старается ехать рядом с начальником, дабы слышать каждое его замечание»*.

Среди мемуарных очерков военных можно обозначить две их разновидности. Это документальный очерк, тяготеющий нередко даже к фотографичности, слепому копированию действительности, и беллетризованный, который по манере изложения приближается к рассказу.

Проанализировав творчество А. Верещагина, мы пришли к выводу, что автор использует именно беллетризованный мемуарный очерк, рассказывая нам о событиях, пережитых им самим: *«Жили мы, помню, на этом шоссе превесело. У меня остались о здешнем пребывании самые лучшие воспоминания...»*

Следующей особенностью творчества Верещагина является использование мемуарных записок. Что же это за жанр?

Собственно мемуары создаются всегда самим участником или очевидцем событий. В них достаточно ярко видна личность автора, что проявляется в его отношении к событиям и людям, так называемой «особой печати на факте», в описании собственных мыслей и переживаний, в отборе, систематизации, обобщении подлинных фактов и документов, эмоциональном настрое произведения.

Мемуарные записки воспоминаний от собственно мемуаров отличаются тем, что в их создании наряду с участником события принимает участие автор записи, который в определенной степени, вольно или невольно, дает свою интерпретацию фактам. Мемуарные записки характеризуются всегда «двойной субъективностью»: участника и автора записи.

Среди военных мемуаров мемуарные записки получили достаточно широкое распространение, в связи с чем нам представляется целесообразным проследить историю их становления.

Обратимся к началу XIX в., когда Отечественная война 1812 г. вызвала к жизни многочисленные воспоминания ее участников, которые писались и собирались исследователями примерно на протяжении ста лет. Как известно, массово мемуарные произведения появляются во время больших исторических и социальных изменений в жизни общества, в период глубинных перемен в общественном самосознании.

В литературе данного времени можно отметить уже ряд особенностей, которые будут углубляться вместе с эволюцией мемуарного жанра. Что это за особенности? Весь массив мемуаров условно разделяется на две группы. Самая значительная представлена собственно мемуарами, написанными офицерами-дворянами, непосредственными участниками военных событий. Большая часть из них увидела свет в первые 10–20 лет после окончания войны. Но — и это характерная черта мемуаристики того времени — среди этих мемуаров, созданных теми, под чьими фамилиями они появились, мы не найдем практически ни одного произведения, написанного солдатом или рядовым очевидцем событий.

Существенно меньшую группу воспоминаний, которую можно, образно говоря, пересчитать по пальцам, составили так называемые мемуарные записки.

По сравнению с собственно мемуарами жанр мемуарных записок более сложен и на сегодняшний день до конца не изучен. Побудительным импульсом в этой форме изложения воспоминаний является уже не столько внутренняя потребность очевидца запечатлеть свой опыт, свои мысли по поводу определенного события, сколько привнесенная извне инициатива создателя записи. Именно он во многом определяет тематическую направленность воспоминаний «рассказчика», корректирует избирательность его памяти, а сами воспоминания окрашивает своим личным, субъективным восприятием.

Среди мемуарных записок о войне 1878 г. можно выделить свидетельства, созданные в дружеском, семейном кругу. Рассказчик, скорее всего, предавался здесь воспоминаниям без какого-либо расчета на письменную

их фиксацию. Лишь позднее они оформлялись как мемуары, косвенным доказательством чего служит отдаленное от описываемых событий время их появления. Несомненно, что автор записи вносил определенные коррективы, свое понимание и видение эпохи.

В эту же группу входят свидетельства, собранные историками, литераторами, издателями. Достаточно большая часть этих воспоминаний принадлежит уже рядовым участникам или очевидцам событий. Можно отметить два наиболее известных сборника подобных воспоминаний, изданных под фамилией автора записей. Это «Рассказы очевидцев о двенадцатом годе» Т. Тольчевой (1912) и «Исторические очерки» К. Военского (1912). Зачастую эти сборники включали даже безымянные рассказы («Записки неизвестного о сдаче Москвы» из сборника К. Военского). Сюда же смело можно отнести и единственную из десяти книг А. В. Верещагина «На войне. Рассказы очевидцев 1900–1901 гг.». Автор представляет сборник воспоминаний, а точнее мемуарных записок (на это указывает и объем излагаемого материала) разных авторов, свидетелей тех или иных событий: подбесаула Сеченова, подполковника Богданова, рассказывающего о стычке с хунхузами, поручика Гиршфельда и пр.

Подобные воспоминания «наговаривались» рассказчиком уже заведомо с целью их фиксации, а иногда сама запись рождалась в процессе совместной работы очевидца и создателя произведения, который не просто фиксировал услышанное, а творчески перерабатывал его. Много позже подобный вид сотрудничества будет назван «литературной записью».

Примечания

1. *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч. М., 1953. Т. 1. С. 159, 267.
2. *Елизаветина Г. Г.* Становление жанров автобиографии и мемуаров // Русский и западный классицизм: Проза. М., 1982.
3. *Бочаров А.* Человек и война. М., 1973. С. 22–23.
4. *Бочаров А.* Историческая память и исторические уроки // Филол. науки. 1987. № 5. С. 12–13.
5. *Голубцев В. С.* Мемуары как источник по истории советского общества. М., 1970.
6. *Дмитриев С. С.* Мемуары, дневники, частная переписка первой половины XIX в. Источниковедение истории СССР. М., 1973. С. 396–401.
7. *Лейдерман Н. Л.* К вопросу о художественном потенциале документального произведения // О художественно-документальной литературе. Иваново. С. 21–35. (Учен. зап.; Т. 105).
8. *Чайковская О.* «...И в прозе глас слышен соловьин» // Вопр. лит. 1980. № 11. С. 196–214.
9. *Явчуновский Я.* Документальные жанры: Образ, жанр, структура произведения. Саратов, 1974. С. 22.